

Экземпляр который вы держите в руках может быть напечатан в анархистской типографии, офисе какой-нибудь турфирмы, у кого-то дома или на сквоту. Мы будем рады, если и вы распечатаете несколько штук, и распространите среди друзей, отнесёте в ближайший книжный магазин или раздадите на очередном пикете.

Так же хотелось бы напомнить, что на производство бумаги, красок и оборудования затрачивается огромное кол-во природных ресурсов и человеческого труда. И чем бережней вы будете относиться к вещам - тем будет лучше для всех.

Мы желаем вам удачи в акциях прямого действия, проведении митингов, раздаче еды нуждающимся, создании коммуны и прочих хороших делах. Независимо от того какую тактику вы выбрали в борьбе с властью и капиталом за лучшее будущее - мы всей душой с вами.

<http://goodbooks.noblogs.org>

Повстанческий Анархизм

СТАТЬЯ ИЗ ЖУРНАЛА «DO OR DIE» №10, 2003Г

2013

Содержание:

Повстанческий анархизм -----	3
Саботаж и другие «скромные попытки» -----	6
Корни повстанческого анархизма -----	9
Социальная и индивидуальная борьба -----	11
Критика организации -----	14
Фабрика мнений -----	17
Революционная солидарность -----	20
Когда придёт время для восстания? -----	23

Книги серии «Повстанчество и анархия»:

- Crimethinc «Борьба за нашу жизнь»
- Альфредо Бонанно «Вооруженная радость. Повстанческие анархисты против нового технологического порядка»
- Заговор Огненных Ячеек «Пылающие мечты наших жизней»
- «Солнце все еще восходит. Осознанный нигилизм»
- «Революция возгорается из нашего сердца»

Самая популярная книга:

- «Психология допроса» серия «АЧК»

Готовятся или недавно вышедшие издания:

- из серии «Пермакультура»
- М. Фукуока «Революция одной соломинки»
- И. Овсинский «Новая система земледелия»

из серии «Сексуальное просвещение»

- В. Райх «Сексуальная революция»
- В. Райх «Функция оргазма»

из серии «Повстанчество и анархия»

- МУ «Борьба дающая свободу»
- «Другое поколение»

из серии «Антифашизм»

- «Антология современного антифашизма в России»

ПОВСТАНЧЕСКИЙ АНАРХИЗМ

«Начиная с определенной точки, возврат уже невозможен.
Этой точки надо достичь.»
Франц Кафка

Для нас, анархистов, вопросы «как действовать» и «как организовать» тесно связаны. Именно эти два вопроса, а не вопрос о желаемой форме будущего общества, дают нам наилучший из существующих способов понимания различных форм анархизма.

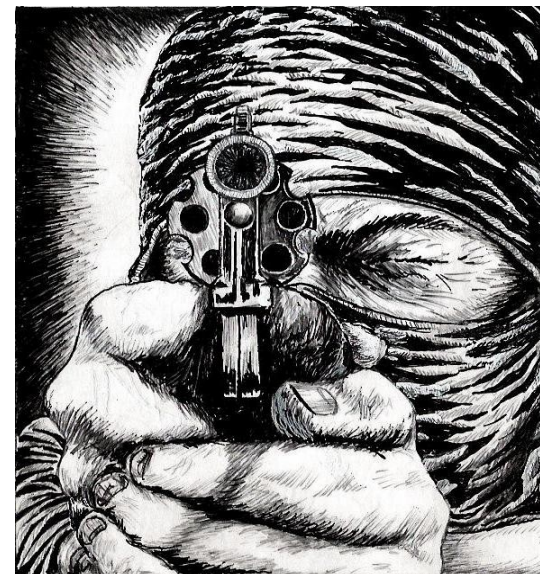
Повстанческий анархизм — одна из таких форм, хотя необходимо подчеркнуть, что повстанческие анархисты не представляют собой единый блок и чрезвычайно сильно разнятся в своих ожиданиях. Повстанческий анархизм — это не товар на капиталистическом рынке идеологий и мнений. Это, скорее, действующая практика, нацеленная на то, чтобы положить конец власти государства и продолжению капитализма, требующая анализа и дискуссии для развития. Исторически, большинство анархистов кроме тех, кто верил, что общество сможет развиваться до такого уровня, что оставит государство в прошлом, считали, что определенный род повстанческой деятельности необходим для преобразования общества. Проще говоря, это означает, что уничтожить государство должны угнетенные и

изгой, следовательно, анархисты должны атаковать государство, ибо ждать, пока оно исчезнет само — это поражение.

Здесь мы приводим выводы, сделанные нами и некоторыми другими повстанческими анархистами из этой главной проблемы: если государство не исчезнет само по себе, то как мы должны положить конец его существованию? Повстанческий анархизм фокусируется на организации атаки. Соответственно, прилагательное «повстанческий» не отображает особую модель будущего. Анархисты, полагающие, что нам необходимо пройти через период повстанчества, чтобы избавить мир от институтов власти и угнетения, при этом имеют множество различных мнений о форме будущего общества — они могут быть анархо-коммунистами, индивидуалистами или, например, примитивистами. Многие вообще не предлагают никакой особой единственной модели будущего, так как считают, что люди сами выберут множество всевозможных форм общественного устройства, когда у них появится такая возможность. Они критически относятся к группам, склонным считать себя «носителями истины» и пытающимися навязать свои идеологические решения общественных проблем. Наоборот, многие повстанческие анархисты считают, что именно через самоорганизацию в борьбе люди научатся жить без институтов власти.

Также существует другое понимание термина «повстанчество», исходящее из определения Макса Штирнера — немецкого философа и индивидуалиста XIX века, разделявшего бунт и революцию. Согласно Штирнеру, революция подразумевает переход от одной системы к другой, тогда как бунт — это восстание, причина которого в недовольстве индивидуумов своей жизнью, и целью его человек ставит не построение новой системы, а создание желаемых отношений. Обе этих основных концепции повстанчества сформировали повстанческий анархизм.

В этой статье мы прежде всего рассмотрим некоторые основные положения этих двух концепций повстанчества. Затем, по мере вырастания этих идей из практики борьбы и конкретных опытов, мы продолжим объяснять эти идеи в контексте их исторического развития. Так как повстанческие анархисты в настоящее время проявляют активность во многих частях света, на нас особенно влияют практика и теория таковых в Италии и Греции, являющихся странами, где повстанческие анархисты наиболее активны. Нынешнее чрезвычайно неоднородное итальянское повстанческое анархистское движение концентрирующееся вокруг ряда занятых пространств и изданий, представляет собой неформальную сеть, ведущую свою борьбу в стороне от всех формальных организаций. Это движение взяло себе название «повстанческих анархистов», чтобы отделить себя от Итальянской Анархической Федерации — организации, официально отвергаю-

Почему мы повстанческие анархисты ...

- *Потому что мы находим возможным вносить вклад в развитие борьбы, возникающей спонтанно повсюду, превращая её в массовые восстания, то есть в подлинную революцию.*
- *Потому что мы желаем уничтожить капиталистический миропорядок, не выгодный никому, кроме руководителей доминирующего класса.*
- *Потому что мы за немедленную, разрушительную атаку против структур, личностей и организаций капитала, государства и всех форм угнетения.*
- *Потому что мы конструктивно критикуем тех, кто идёт на компромиссы с властью, считая, что революционная борьба невозможна в настоящее время.*
- *Потому что вместо ожидания мы решили приступить к действию, даже если время ещё не подходящее.*
- *Потому что мы хотим положить конец этому государству немедленно вместо ожидания наступления подходящих условий для его трансформации.*

Это некоторые причины того, почему мы анархисты, революционеры и повстанцы.

Альфредо Бонанно

Случится ли это, когда очередные озеро или река будут уничтожены из-за чрезмерного загрязнения? Когда лесозаготовительные компании разрушат ещё одну экосистему и выселят коренные народы с их земель?

Наступит ли тогда время для восстания?

Или это произойдёт, когда правительство или НАТО или ООН разбомбит страну и убьёт тысячи людей? Когда очередная ТНК окажется замешана в уничтожении туземных племён ради опустошения ещё одной земной природной территории?

Наступит ли тогда время для восстания?

Когда твоя местная фабрика поставит очередной груз оружия, созданного и предназначенного для убийства людей типа тебя и меня? Если корпорации продолжают разрушать озоновый слой, если экология будет безрассудно разрушаться ради прибыли? Если определённые партии продолжают ставить под угрозу жизни множества прекрасных животных и растений нашей планеты?

Наступит ли тогда время для восстания?

Или же мы продолжим просто устраивать демонстрации и составлять петиции в надежде, что система осознает свою вину и изменится, либо в надежде на будущую революцию, когда на нашей стороне будут массы и мы будем способны привести всё в порядок? Надеемся ли мы на это в то время, как система продолжает губить нас и планету настолько, что мир может стать непригодным для жизни к тому моменту, как мы наконец созреем что-то с этим сделать?

Продолжим ли мы ждать критического момента? Настанет ли тогда время для восстания?

Или будет уже слишком поздно...?

щей индивидуальные акты восстания и одобряющей только массовые действия, образовательную и пропагандистскую практику в «нереволюционные периоды», а также от итальянских либертарных муниципалистов, которые очень сильно сближаются с реформизмом в «анархической» деятельности.

Государство не исчезнет само, как это, судя по всему, кажется многим анархистам — некоторые из них заняли выжидательную позицию, в то время как другие и вовсе открыто порицают деятельность тех, для кого создание нового мира требует разрушения старого. Атака — это отказ от сотрудничества, смирения, приспособления и компромиссов в борьбе. Именно действием и обучением действию, а не пропагандой мы проложим путь к восстанию, хотя, очевидно, анализ и дискуссия имеют значение, когда решается, как действовать. Ожидание учит только ожиданию, а действию учит только действие. При этом необходимо заметить, что сила повстанчества — социальная, а не военная. Мера оценки важности общего восстания — не вооружённый конфликт, а наоборот, — степень паралича экономики, нарушения стабильности. Если студенты продолжают учиться, рабочие и офисные служащие — работать, а безработные исключительно бороться за работу, тогда никакие перемены невозможны. Мы можем искать вдохновение в таких примерах как Май 1968 в Париже, Италия в 1970 или недавнее восстание в Албании.

САБОТАЖ И ДРУГИЕ «СКРОМНЫЕ ПОПЫТКИ»

Для нас как анархистов, революция является главной целью, чем бы мы ни занимались и на какой проблеме бы ни были сосредоточены. Но революция — это не миф, просто используемый в качестве цели, её не следует представлять как дело абстрактного будущего. Именно потому, что это конкретное событие, её следует приближать каждый день с помощью множества «скромных попыток», не обладающих всеми освобождающими характеристиками социальной революции в подлинном смысле. Это множество «скромных попыток» — восстания. Бунт наиболее угнетённых слоёв и изгоев общества, а также наиболее политически сознательно меньшинства открывает путь для вовлечённости всё более широких слоёв общества в процесс восстания, которое может привести к революции. Тем не менее борьбу следует развивать как в промежуточной так и в долгосрочной перспективе. Иными словами, всё ещё возможно и необходимо участвовать в локальной борьбе, то есть борьбе, которая ограничена конкретными целями, рождёнными определённой проблемой. Это могут быть акции прямого действия против строительства военной базы или тюрьмы, атаки на отдельные капиталистические объекты, такие как высокоскоростные железнодорожные магистрали, генетически модифицированные сельхозкультуры или линии электропередач. Не следует полагать,

КОГДА ПРИДЁТ ВРЕМЯ ДЛЯ ВОССТАНИЯ?

У меня есть теория. Она заключается в том, что каждый раз, когда правительство или какая-либо корпорация совершают насильственные действия в отношении природы или человечества, каждый раз, когда нефтяной танкер корпорации загрязняет побережье или они калечат, опустошают и разрушают природный объект, каждый раз, когда они это делают, я беру свой гнев и размещаю его в определённом отсеке моего мозга, и когда наступит время для восстания, я смогу добраться до этих кусочков гнева, которые я сохранил.

Поэтому я провожу свои дни, терпеливо пытаюсь остановить то безумие, которое движет правительством и корпорациями, и каждый день я слышу о новых зверствах. Я хожу по очередным демонстрациям от А до Б, выкрикиваю какие-то лозунги, и затем в конце дня я вновь открываю этот специальный отсек и помещаю в него гнев по поводу какого-либо нового зверства в ожидании того дня, когда этот гнев понадобится мне, чтобы повергнуть Империю.

Но меня одолевает новый страх. Я чувствую, как гнев взывает ко мне из этого отсека, я слышу как дверца открывается изнутри, и я задаюсь этим новым ужасным вопросом:

Как я пойму, когда придёт время для восстания?

не закрывает дверь к их мечтам. Неформальная организация с её этикой автономии и отсутствия компромиссов не управляет борьбой, и неконтролируемость создаёт возможность для повстанческого разрыва с нынешним общественным устройством.

что это имеет второстепенное значение: эти виды борьбы также мешают глобальным планам капитализма.

Чтобы существовать, эти протесты должны шириться, потому повстанческий анархизм и уделяет особое внимание распространению неуправляемого восстания, ибо никакая военная или полицейская сила не в состоянии контролировать распространение столь автономной деятельности. Уделение внимания расширению борьбы привело многих повстанческих анархистов к критической оценке организации, так как централизованная борьба управляема и ограничена (достаточно проанализировать примеры многих революционных движений в Латинской Америке, которые до недавнего времени контролировались «Партией», чтобы понять это), в то время как автономная борьба способна распространяться сетевым образом.

При этом Система более всего опасается не столько самих актов саботажа, сколько их распространения в обществе. Неуправляемость является силой восстания. Любой рабочий человек, располагая даже самыми скромными средствами, может добиться своих целей в одиночку или совместно с другими. Государство и капитал физически неспособны контролировать целую общественную территорию. Любой, кто действительно хочет выйти из-под контроля, может внести свой теоретический или практический вклад наиболее подходящим для него образом. Нет нужды исполнять установленные роли в формально организованном восстании (восстании, которое ограничено и контролируется организацией). Появление первых разрушенных связей контроля над обществом совпадает с распространением актов саботажа. Анонимная практика самоосвобождения способна распространиться во всех сферах, нарушая своды законов, установленные властью.

В моменты, когда не происходит значительных восстаний, небольшие акции, предполагающие использование простых средств, доступных каждому, и потому легко воспроизводимых за счёт своей простоты и спонтанности, становятся неконтролируемыми. Они делают бесполезными даже самые продвинутые антитеррористические технологические разработки. В США череда поджогов объектов, загрязняющих природу, в которых некоторые подозревают Фронт Освобождения Земли, распространились по стране во многом благодаря простоте техники. В Италии саботаж высокоскоростных железнодорожных магистралей неконтролируемо распространялся также благодаря тому, что каждый мог спланировать и осуществить свою акцию, не нуждаясь в большой организации с уставами и правилами, сложной технике или особых познаниях.

Кроме того, вопреки «математикам» из крупных революционных партий, никогда невозможно заранее просчитать итоги конкретной борьбы. Даже

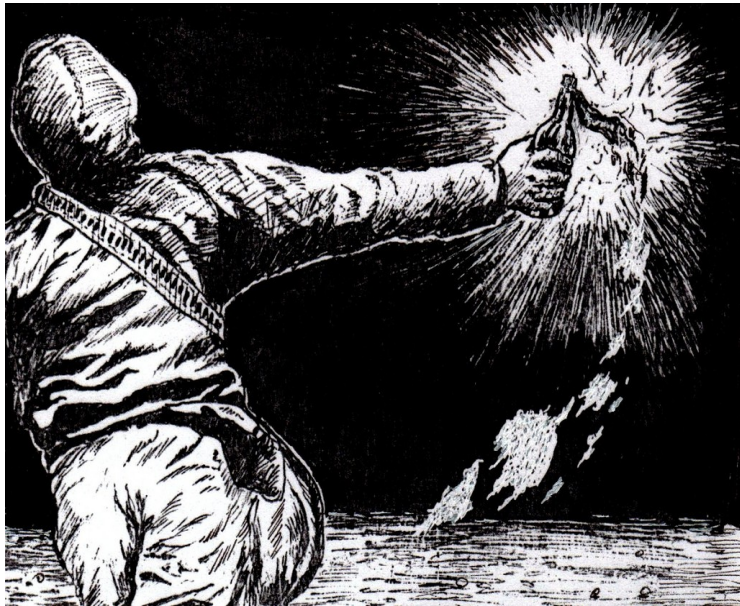
ограниченная борьба может иметь самые неожиданные последствия. Переход от различных восстаний — ограниченных и очаговых — к революции никогда не может быть заранее гарантирован каким бы то ни было методом.

лизм или государство действуют одинаково в самых разных местах. Создавая связи между противостояниями государству и капиталу, революционная солидарность способна вывести нашу локальную борьбу на глобальный уровень.

Более того, революционная солидарность — это всегда активная атака, она всегда включает в себя восстановление наших сил и их приумножение в соединении с силами других. Многие повстанческие анархисты участвовали в борьбе против тюремного режима FIES (Ficheros de Internos de Especial Seguimiento — Досье заключённых для специального наблюдения) в Испании. Это революционная борьба, поскольку она не нацелена на простое реформирование, её окончательная цель — исчезновение тюрем, что подразумевает радикальные перемены в обществе. Это самоорганизованная борьба, в которой нет никаких лидеров или представителей ни внутри тюрем ни за их пределами, а есть только солидарность, растущая между эксплуатируемыми людьми по обе стороны стен.

Одно из основных преимуществ неформальной организации в том, что она позволяет анархистам принимать участие в промежуточной или специфической борьбе, не жертвуя принципами и не нуждаясь в единообразии действий и политики. В неформально организованной борьбе могут участвовать аффинити-группы, чьи политические взгляды на будущее могут сильно отличаться друг от друга. Одни люди могут желать открыть перспективы для восстания, в то время как других могут интересовать лишь ближайшие цели. Нет причины, по которой те, кто разделяет ближайшую практическую цель, но расходятся в долгосрочных целях, не могут быть вместе. Например, группа против генной инженерии смогла сформироваться, решив скоординировать действия по уничтожению образцов культур и распространению листовок против генной инженерии. В этом случае те, кто желал повстанческого разрыва с нынешним общественным устройством и те, кто просто ненавидел генную инженерию, легко смогли сотрудничать ради этой конкретной цели. Впрочем, группы, применяющие повстанческий подход в своих действиях, часто заканчивают конфликтом с другими группами, работающими по аналогичным вопросам. Фронт Освобождения Земли — неформально организованная сеть групп, придерживающихся позиции нападения на тех, кого они считают разрушителями Земли, поносится мейнстримовым экозащитным движением. В то же время, вполне возможно, их будут критиковать многие повстанческие анархисты за оборонительное сосредоточение на защите Земли и игнорирование социального аспекта революции. Что важно, чтобы позволить различным группам сотрудничать — это координация с автономией.

Для тех, кто хочет открыть перспективы для восстания, подобная кооперация

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Революционная солидарность — ещё одна основная практика повстанческого анархизма, позволяющая нам продвинуться значительно дальше солидарности в стиле «послать чек», столь характерной для левых как и ходатайствование перед государством об освобождении или помиловании. Один из примеров революционной солидарности — акция Никоса Мазотиса против TVX Gold в декабре 1997 года. Многие люди из деревень в районе Стримоник в Северной Греции боролись против строительства золотометаллургического завода на их земле. В солидарность с жителями деревень, Никос подложил бомбу в Министерство Промышленности и Развития, которая должна была взорваться когда в здании никого не будет. К сожалению, она так и не взорвалась. Никос был приговорён к 15 годам тюрьмы, но сейчас свободен. TVX Gold — это мультинациональная компания, её головной офис находится в Канаде, так что солидарность с селянами Стримоник могла быть проявлена по многим пунктам. Сбор средств для товарищей необходим и несомненно ценен, однако он может сочетаться с более активными формами солидарности с теми, кто борется против наших общих врагов. Революционная солидарность проводит связь между эксплуатацией и репрессиями в отношении других и нашей собственной судьбой и показывает людям моменты, в которых капита-

КОРНИ ПОВСТАНЧЕСКОГО АНАРХИЗМА

Так как повстанческий анархизм — это развивающаяся практика, а не идеологическая модель будущего, то повстанческие анархисты не делают труды какого-либо отдельного революционного теоретика своей главной доктриной. Соответственно они не являются, к примеру, последователями Бакунина и избавлены от необходимости защищать все его теории и поступки. Тем не менее Бакунин был исторически важен для развития анархизма, выразившего свою силу в повстанчестве. В отличие от Маркса, поддерживавшего в Первом Интернационале в основном центральные органы управления, Бакунин старался поддерживать скоординированное действие посредством автономных восстаний «снизу», главным образом в Южной Европе. Поэтому со времён Бакунина повстанческие анархисты были активны в Южной Европе.

В реакциях на Парижскую Коммуну 1871 года и в конфликтах внутри Первого Интернационала можно увидеть формирование основных принципов повстанческого анархизма. Тогда как Маркс считал, что новые политические формы Коммуны (демократия и представительство) разовьют социальную революцию, Бакунин возражал, что политические и организационные формы тормозят социальную революцию. Также на последующих инсurreкционистов повлияло высказывание Бакунина о том, что револю-

цию распространяют действия, а не слова. В 1871 году Маркс и его сторонники объединились с последователями Бланки — автора концепции «диктатуры пролетариата» — для недопущения Бакунина и его сторонников на конференцию Интернационала, проходившую в Лондоне. Бакунисты провели свою собственную конференцию в Сонвильере, утверждая, что иерархические и политические способы никогда не помогут достижению задач социальной революции. В Сонвильере было решено, что «свободное и эгалитарное общество не может возникнуть из авторитарной организации». Маркс уничижительно назвал конференцию «анархистской», в свою очередь участники Сонвильера назвали лондонскую конференцию «марксистской», отмечая её авторитарные попытки контролировать Интернационал. В 1872 году Марксу удалось добиться исключения Бакунина из Интернационала и требования от всех секций оправдания захвата политической власти как необходимого условия революции.

лий.

Неформальная организация должна быть основана на этике автономного действия, автономия необходима для предотвращения отчуждения наших активных полномочий, для предотвращения возникновения властных отношений. Автономия исключает подчинение или отдавание приказов, всегда выкрикиваемых сверху и вне ситуации. Автономия позволяет принимать решения тогда, когда они необходимы вместо того, чтобы быть предопределёнными или задержанными решением комитета или собрания. Однако это не означает, что мы не должны думать стратегически о будущем и не делать соглашений или планов. Особое значение имеет гибкость, позволяющая людям отменять свои планы, когда те становятся бесполезными. Планы должны быть адаптируемы к развитию событий.

Точно так же как неформальная организация должна иметь этику автономии, чтобы не превратиться в авторитарную организацию, дабы не допустить отчуждения наших активных полномочий, следует также иметь этику отсутствия компромиссов с уважением к согласованным целям организации. Организационные цели либо должны быть отодвинуты либо ликвидированы. Компромиссы с теми, кому мы противостоям (то есть государство или корпорация) приводят к поражению всего действительного сопротивления, вместо нас они усиливают наших врагов.

Поддачки, делаемые нам для нашего умиротворения и отвлечения теми, кому мы противостоям, должны быть отвергнуты. Любые компромиссы с любыми институтами господства (государство, полиция, ВТО, МВФ, «Партия» и т.д.) приводят к окончательному лишению нас дееспособности, возможности принимать решения и действовать когда посчитаем нужным. Как таковые, компромиссы лишь усиливают государство и капитал. Для тех, кто хочет открыть перспективы восстания, для тех, кто не желает ждать предположительно подходящих условий для революции, для тех, кто не хочет такой революции, которая лишь создаст новую властную структуру, а желает уничтожения любых структур, отчуждающих у нас нашу власть, для всех таких людей подобные компромиссы противоречат их целям. Последовательно отказываться от компромиссов — значит быть в вечном конфликте с существующим порядком и его структурами господства. Постоянный конфликт — это неконтролируемое автономное действие, не идущее на компромиссы с властью.

но после 1999 в Сиэтле, и поэтому для нас так важно изложить критичную позицию некоторых повстанческих анархистов.

Прежде всего, необходимо спросить, что такое мнение? Мнение — это не что-то первое попавшееся, найденное в гуще всего общества и затем воспроизведённое СМИ как простое освещение общественного мнения. Во-первых, мнение существует в СМИ. Во-вторых, затем СМИ воспроизводит это мнение миллион раз, приписывая это мнение конкретной категории людей (консерваторы думают X, либералы думают Y). В-третьих, как отмечает Альфредо Бонанно, «Мнение — это уплощённая идея, идея, которой придали форму, чтобы сделать её приемлемой для наибольшего количества людей. Мнения — это массивифицированные идеи». Общественное мнение производится как набор простых выборов или решений («Я за глобализацию и свободную торговлю» или «Я за больший государственный контроль и протекционизм»). Нам всем предложено выбирать, как мы выбираем наших лидеров, вместо того, чтобы думать своей головой. Поэтому очевидно, что анархисты не могут использовать фабрику по производству мнений для создания контр-мнений, и надеемся, что анархисты никогда не захотят управлять мнениями, даже если мы каким-то образом сможем оказывать влияние на содержимое того, что изрыгается из ворот фабрики. Как бы то ни было, этика анархизма никогда не может быть обращена в форму мнения, она умрёт, став массивифицированной. Однако, лидеры организаций работают именно на уровне мнений, потому что мнения и эксплуатация образа являются инструментами власти, инструментами, используемыми для подчинения масс и управления ими.

Вместо сосредоточения власти и принятия решений в организации, большинство повстанческих анархистов видят необходимость организоваться в такой форме, при которой отсутствуют формальность и власть, разделяющие организаторов и организуемых, это называется неформальной организацией. Поскольку природа лидеров — планирование и контроль, они часто ставят сохранение/увековечивание организации выше других целей. С другой стороны, неформальные организации распадаются, когда их цели достигнуты или отменены. Они не увековечивают себя только ради организации, если цели, ради которых люди организовались, прекратили своё существование.

Как и в случае с советами Комизо, неформальные организации — это способы для аффинити-групп координировать свою деятельность в случае необходимости. Всегда следует помнить, что многие вещи проще сделать с помощью аффинити-групп или в одиночку, и в этих случаях более высокие уровни организации только затрудняют процесс принятия решений. Минимальное количество организационности, необходимое для достижения конкретных целей — всегда лучшее для максимизации наших уси-

СОЦИАЛЬНАЯ И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ БОРЬБА

Другая проблема, вызвавшая множество дебатов в анархистских кругах — это предполагаемое противоречие между индивидуальной и социальной борьбой. Это полемика, которая началась и продолжается в кругах повстанческих анархистов; Рензо Новаторе выступал за индивидуальное восстание, Эррико Малатеста — за социальную борьбу, в то же время Луиджи Галлеани считал, что между ними нет никакого противоречия.

Новаторе — итальянский анархист, погибший в перестрелке с полицией в 1922 году, писал: «Анархия — это не форма общественного устройства, а способ индивидуации. Никакое общество не предоставит мне более, чем ограниченные свободу и благополучие, которые оно даёт своим членам». Малатеста — также итальянец и активный повстанец на протяжении всей своей жизни был анархо-коммунистом, для которого анархизм основывался на организованной атаке с помощью коллективной борьбы, в особенности рабочего движения; при этом он весьма критично относился к любой форме организации, могущей стать авторитарной. На этом в 1927 году было основано его несогласие с русскими платформистами, пытавшимися создать централизованную и унитарную революционную организацию.

Малатеста критиковал предложения платформистов, которые выдвинули свою программу в ответ на победу большевиков в России в попытке упо-

рядочить и объединить борьбу с помощью единой организации. В своей критике платформистской программы Малатеста утверждал, что «в целях достижения своих задач анархистские организации должны оставаться в гармонии с принципами анархизма, то есть они должны уметь сочетать свободные акции индивидуумов с необходимостью и радостью кооперации, которые служат повышению сознательности и инициативности их членов». Следует отметить, что большинство социальных анархистов и анархо-коммунистов, которые были активны в начале прошлого века, не видели противоречий между организацией и индивидуализмом и что очень немногие анархисты когда-либо выступали против организации как таковой.

Галлеани, эмигрировавший в США в 1901 году из-за угрозы ареста в Европе, редактировал один из важнейших в США итальянских анархических журналов – *Cronaca Sovversiva* (Подрывная Хроника) и был критиком формальной организации. В своих статьях и речах он объединял идею Кропоткина о взаимопомощи с неограниченным восстанием, отстаивая коммунистический анархизм вместо авторитарного социализма и реформизма, говоря о важности спонтанности, разнообразия, автономии и независимости, прямого действия и самоопределения. Галлеани и его последователи с очень глубоким подозрением относились к формальным организациям, видя их как потенциальные иерархические и авторитарные организации. Критика формальной организации с того времени стала основным моментом для повстанческих анархистов. Галлеани не видел противоречия между индивидуальной и социальной борьбой, как не видел его и между анархизмом и коммунизмом. Он твёрдо выступал против авторитарного коммунизма, который он видел как произрастающий из коллективистской идеологии — идеи о том, что производство и потребление должны осуществляться в коллективе, в котором индивидуумы должны между собой сотрудничать. Галлеани сильно повлиял на тех, кто сегодня называет себя повстанческими анархистами.

Дебаты об отношениях между индивидуальной и социальной борьбой, между индивидуализмом и коммунизмом продолжают и по сей день. Некоторые повстанческие анархисты утверждают, что восстание начинается с желания личности вырваться из условий ограниченности и управляемости, желания получить возможность устраивать свою жизнь по своему усмотрению. Это подразумевает преодоление людьми отчуждения между собой и между условиями их жизни — едой, жильём и т.д. Там, где условия жизни контролирует привилегированное меньшинство, для большинства людей остаётся невозможным самим решать, как жить. Это равенство участия достигается в коммунизме. А что люди будут делать с этим равенством участия — решать им самим. Между тем, ни тождества,

ФАБРИКА МНЕНИЙ

Для тех лидеров, чей девиз — «существует только то, что появляется в медиа», реальное действие всегда отходит на второй план по отношению к поддержанию медийного образа. Целью такого поддержания образа никогда не является нападение на институты господства. Задача — в оказании влияния на общественное мнение с целью создания постоянного движения или, что ещё хуже — организации. Лидер всегда должен беспокоиться о том как чужие действия могут отразиться на движении, поэтому ему необходимо одновременно пытаться подчинить борющиеся массы и контролировать освещение движения в СМИ. Образ обычно заменяет действие для постоянной организации и лидера.

Пытаться контролировать множество образов и фабрики мнений в нашем обществе — пустая затея. Нам никогда не удалось бы пытаться соответствовать множеству образов, создаваемых СМИ или заставить их «говорить правду». По этой причине многие повстанческие анархисты критично настроены к продолжению борьбы в капиталистических масс медиа. В Италии это привело их к разногласиям с такими организациями как *Ya Basta!*, видящим СМИ как основной инструмент своего движения; в других частях света вопрос о том, как анархистам следует относиться к СМИ, был предметом обсуждений на протяжении последних лет, особен-

Как только организация становится постоянной и возвышается над массами, появляется лидер, зачастую претендующий на роль организатора борьбы и начинает вещать для масс. Задача лидера состоит в том, чтобы превратить множество в подконтрольную массу и представлять эту массу в СМИ или государственных учреждениях. Лидеры редко видят себя частью масс, соответственно они видят своей задачей только пропаганду и организацию, но не действия, так как действуют массы.

ни унификации личностей не подразумевается в настоящем коммунизме. То, что принуждает нас к унификации — это социальные роли, навязываемые нам нынешней системой. Соответственно, нет никаких противоречий между индивидуальностью и коммунизмом.

Идея повстанческого анархизма исходит из желания человека самому определять: как и с кем жить. Но этому желанию во всех сферах противостоит существующее общественное устройство, в котором условия нашего существования и общественных взаимоотношений, на основе которых построены наши жизни, уже определены в интересах правящего класса, извлекающего выгоду из усилий, прилагаемых нами для выживания.

Поэтому желание индивидуального самоопределения и самореализации ведёт к необходимости классового анализа и классовой борьбы. Но старые пролетаристские концепции, определяющие индустриальный рабочий класс как главный субъект революции, не подходят для этой задачи. Что определяет нас как класс, так это наша несправедливость, тот факт, что нынешняя система общественных отношений крадёт нашу возможность определять условия нашего существования. Классовая борьба происходит во всех индивидуальных и коллективных восстаниях, с помощью которых небольшие части нашей повседневной жизни мы возвращаем себе, а небольшие части аппарата доминирования и эксплуатации саботируются или разрушаются. По существу, нет изолированных, индивидуальных актов восстания. Все подобные акты являются ответом на ситуацию в обществе, и многие включают в себя какой-то уровень соучастия, отражая какой-то уровень коллективной борьбы. Взять, к примеру, спонтанную, в основном умалчиваемую организацию кражи товаров и саботажа рабочего процесса, происходящих на большинстве рабочих мест; это неформальная координация подрывной деятельности, осуществляемая в интересах каждого участвующего человека является основным принципом коллективной деятельности для повстанческих анархистов, потому что коллектив существует для службы интересам и желаниям всех участников в возвращении им их жизни и часто несёт в себе концепцию путей освобождения от эксплуатации и доминирования.

Но даже одиночные акты восстания имеют свои социальные аспекты и являются частью общей борьбы обездоленных. С помощью критического отношения к борьбе прошлого, изменениям в силах власти и их отличиям в разных местах, а также развитию нынешней борьбы мы можем сделать нашу атаку более стратегической и целенаправленной. Однако наличие стратегии не означает лишь один путь для борьбы. Чёткие стратегии нужны для того, чтобы позволить использовать различные методы скоординировано и плодотворно. Индивидуальная и социальная борьба ни противоположны, ни идентичны.

КРИТИКА ОРГАНИЗАЦИИ

Неудачи социальных движений в Италии 1960-х и 1970-х привели одних к переоценке революционного движения, а других к полному отходу от него. В 70-х многие ленинистские группы полагали, что капитализм находится в агонии своего окончательного кризиса и перешли к вооружённой борьбе. Эти группы действовали как профессиональные революционеры, сводя свои жизни к единственной социальной роли. Но к 1980 они пришли к убеждению, что время для революционной социальной борьбы закончилось и стали призывать к амнистии для заключённых членов движения 70-х, а некоторые из них зашли настолько далеко, что отмежевались от борьбы. Это разделило их с повстанческими анархистами, полагавшими, что революционная борьба за свержение капитализма и государства всё ещё продолжается, потому что никакое детерминистское понимание истории не способно определить правильный момент для бунта. На деле оно часто становится оправданием для бездействия и лишь превращает возможный разрыв с настоящим в невозможный.

Итальянская повстанческо-анархистская критика движений 1970-х была направлена на формы организаций, формировавших силы борьбы, и из неё появилась более развитая идея неформальной организации. Критика авторитарных организаций 70-х, чьи участники зачастую считали, что на-

ходятся в более привилегированном положении по сравнению с пролетариатом в целом, впоследствии была усовершенствована в борьбе 80-х, например, в выступлениях в ранних 80-х против военной базы, строившейся для размещения ядерных отходов в Комизо на Сицилии. Анархисты были весьма активны в этой борьбе, организованной посредством самоуправляемых союзов. Для того случая они установили три главных принципа организации борьбы: постоянный конфликт, самоуправление и атака. Постоянный конфликт значил, что борьба со строительством базы будет вестись до тех пор, пока оно не будет прекращено без посредников и переговоров. Союзы были самоорганизованными и самоуправляемыми, они не признавали постоянных делегаций представителей и профессионализации борьбы. Союзы были организациями, для нападения на стройку базы, а не защиты интересов тех или иных групп. Такой стиль организации позволял группам действовать так, как им казалось наиболее эффективным, сохраняя при этом способность координировать атаку, когда это приносило пользу, таким образом позволяя расти потенциалу борьбы. Это также сосредотачивало организации на цели прекращения строительства базы вместо создания постоянных организаций, для которых посредничество с государственными учреждениями для получения власти обычно становится целью, а уменьшение автономии борьбы – средством.

Как поняли анархисты, участвовавшие в борьбе в Комизо, одна из главных причин, мешающих социальной борьбе развиваться в позитивном направлении — это засилье форм организации, не позволяющих нам действовать самостоятельно и раскрывать потенциал восстания. Это постоянные организации, сосредотачивающие всю борьбу внутри одной единственной организации, посредничающие в борьбе с институтами господства. Постоянные организации стремятся к развитию в учреждения, стоящие над борющимися массами. Они стремятся к установлению формальной или неформальной иерархии и установлению контроля над массами. Это превращает активное движение в пассивные массы. Иерархическое построение властных отношений отдаляет решение от того времени, когда его принятие необходимо, делая его полномочием организации. Практические последствия подобного устройства приводят к тому, что активные силы участников борьбы задушены организацией. Решения, которые должны самостоятельно приниматься участвующими в борьбе людьми, отдаются организации, и что ещё хуже — постоянные организации как правило принимают решения не исходя из необходимости конкретной цели или акции, а исходя из нужд самой организации, в особенности её сохранения. Организация становится целью сама по себе. Стоит лишь посмотреть на деятельность социалистических партий, чтобы увидеть это в наиболее явной форме.